

Увидев, что Линь Юань находится всего в шаге от него, Чжун Кайфань протянул руку и схватил его за запястье. Линь Юань потерял равновесие и упал к его ногам.

Линь Юань тяжело дышал, его лицо было бледным, а глаза сияли, как звездное небо.

Хоть лицо у него было и красивое, с алыми губами и белыми зубами, Чжун Кайфань смотрел на него с такой невыносимой яростью!

— Ты что-то скрываешь от меня? — спросил Чжун Кайфань, четко выговаривая каждое слово.

— Нет, — сразу ответил Линь Юань.

— Врешь! — в глазах Чжун Кайфана мелькнула жестокость, и он невольно сжал воротник Линь Юаня.

Линь Юань замолчал, сжав губы.

Чжун Кайфань сейчас был полон терпения. Он ждал этого дня слишком долго, настолько долго, что сам почти забыл об этом.

— Скажи мне, откуда у тебя эти шрамы на спине?

Линь Юань отвел взгляд.

— Получил на съемках.

Чжун Кайфань ненавидел его упрямство. Он сжал его подбородок, заставляя смотреть себе в глаза.

— Это Не Цзуань?

Глаза Линь Юаня покраснели. Он знал, что Чжун Кайфань беспокоится.

— Говори! — почти прорычал Чжун Кайфань, он был готов его задушить. — Он трогал тебя?!

Скрытые на протяжении многих лет эмоции внезапно вырвались наружу. Это была и обида, и стыд. Линь Юань, не желая уступить, огрызнулся:

— Даже если это он, какое тебе дело? Мои гнилые дела при чем здесь?! Зачем тебе за мной вступаться?!

— Это ко мне не относится, да? — губы Чжун Кайфана скривила горькая улыбка. Он повернул запястье и, держа Линь Юаня за воротник, потащил его к коридору, ногой распахнув приоткрытую дверь. — Хорошо, посмотри сам!

Включился свет. Эту комнату Линь Юань никогда не видел, она была небольшой, больше похожей на кладовку, и лишь резной шкаф из красного дерева выбивался из общего интерьера.

Подняв взгляд на шкаф, Линь Юань перестал дышать.

Он увидел фотографию. Нет, точнее, черно-белый снимок, аккуратно вставленный в черную рамку.

Чжун Цань улыбался ему с фотографии. Рубашка была застегнута на все пуговицы, короткие

черные волосы делали его красивым, а в уголках губ играли ямочки.

Это была фотография Чжун Цаня, сделанная для поступления в университет. Линь Юань тогда сопровождал его.

Кровь в жилах застыла. Сколько ночей он видел это лицо во сне, на бесконечных баскетбольных площадках, где они вместе бегали и прыгали. Центр тяжести смещался вместе с шагами, мяч двигался вслед за ними, а взгляд скользил к кольцу. Ложные движения были быстрыми и осторожными, пока раздался гулкий удар — Чжун Цань уже сделал три шага и выполнил идеальный бросок.

Девушки на площадке визжали, подбадривая Чжун Цаня.

Чжун Цань обожал спорт, но его горячая жизнь внезапно оборвалась. Теперь он был заключен в узкую рамку фотографии. Волна боли и слез поднялась из глубины души, смешавшись с новыми и старыми ранами, разрывая его на части.

Чжун Кайфань пнул Линь Юаня под колено:

— Встань на колени!

С этими словами он прижал Линь Юаня к полу.

Колено пронзила невыносимая боль, словно туда вбивали гвоздь. Силы покинули тело.

Чжун Кайфань ткнул пальцем ему в лицо, произнося каждое слово с расстановкой:

— Когда машина неслась к скалам, Чжун Цань сидел за рулем. Если кто-то и должен был умереть, то это был бы ты. Он изо всех сил пытался тебя спасти, отпустил руль и бросился к тебе. Линь Юань, не говоря об остальном, подумай сам, разве ты оправдал его доверие?! Он спас тебя для того, чтобы ты позволил Не Цзуаню себя унижать?! Если ради своей карьеры ты готов унижать себя — это твое дело, но жизнь тебе подарил Чжун Цань. Линь Юань, слушай меня хорошенько: пока я хоть чем-то дышу, если я еще раз увижу, как ты так себя губишь, мне никто не понадобится, я сам тебя прикончу!

Слезы Линь Юаня беззвучно капали на пол. Он сгорбился, опустив голову, словно приговоренный к казни.

Заметив, что он наконец-то проявил раскаяние, гнев Чжун Кайфана немного утих.

Но чем больше он на него кричал, тем больше было самому, словно нож резал его собственную плоть.

Он не мог видеть, как плачет Линь Юань. Он не мог оставаться в этой комнате ни секунды дольше.

В итоге Чжун Кайфань сорвал злость на полке рядом. Фарфор с грохотом посыпался на пол, разбившись вдребезги. Пол дрожал, а в ушах звенело.

Перед уходом Чжун Кайфань сказал:

— Сегодня ты будешь стоять здесь на коленях. Встанешь только тогда, когда признаешь свою вину.

С этими словами он захлопнул дверь с такой силой, что, казалось, затрясся весь дом.

Воздух наконец успокоился. В комнате не работало отопление, и Линь Юань почувствовал холод, от которого его пробило дрожью. Подняв голову, он посмотрел в окно. Снаружи пробивался редкий свет уличных фонарей, и в душе поднималась печаль. Он понимал, почему Чжун Кайфань был в такой ярости. Помимо трагической гибели Чжун Цаня, Чжун Кайфань раньше всегда относился к нему так тепло, буквально носил на руках. Видя, как тот теперь страдает, как он мог не ненавидеть его? Но в этой ненависти сквозила бесконечная любовь и боль. Линь Юань понимал всё.

Он не мог сказать, что болеет мать. Это лишь добавило бы Кайфаню бесконечных хлопот.

На вечере, наблюдая, как Чжун Кайфань сияет в толпе, с милой спутницей рядом, он, хоть и чувствовал зависть, в какой-то момент подумал, что даже если в жизни Кайфана его не будет, тот сможет быть спокойным.

Хотя в глубине души он надеялся часто видеться с Кайфанем, он понимал: пока Чжун Цань не воскреснет, между ними всегда будет стена.

Это была живая и пылкая жизнь.

Но разве Чжун Цань может вернуться?

Рано или поздно его поглотят неполноценность и чувство вины.

Даже если бы другие ничего не говорили, он сам чувствовал, что больше не достоин Чжун Кайфана.

Как бы он ни сиял перед камерой, как бы ни поклонялись ему фанаты на сцене, в душе всегда было место, которое давно обрушилось, заставляя его опускаться все ниже и ниже при встрече с Чжун Кайфанем, вплоть до пыли, в безнадежной неполноценности, готовом бесконечно ждать его.

Он мог только влачить жалкое существование, ради матери или ради той крошечной надежды в душе.

Это было похоже на то, как если бы он пил яд, чтобы утолить жажду. Это лучше, чем ничего.

Линь Юань не смел поднять глаза на портрет Чжун Цаня, боясь его чистого и ясного взгляда, который, казалось, никогда его не осуждал и всегда поддерживал их с Кайфанем.

В этом мире больше не было никого, кто мог бы, как Чжун Цань, безоговорочно благословить их с Кайфанем.

За те шесть лет разлуки Линь Юань тоже думал о том, чтобы покончить с собой. Он уже потерял любовь всей своей жизни, карьера едва началась и уже была почти разрушена, а лучший друг погиб из-за него. Но мать была еще жива, и она нуждалась в его поддержке. Долги перед компанией еще не были выплачены, и он не мог позволить себе эгоистично умереть. В бессонные ночи он часто думал: если бы тогда погиб он, сейчас было бы легче. По крайней мере, Чжун Кайфаню не пришлось бы ссориться с семьей, не пришлось бы бросать медицинскую карьеру, а Чжун Цань, вероятно, уже закончил бы университет, нашел бы любимую девушку и, возможно, уже женился.

Что касается Чжун Кайфаня, он бы справился с его потерей. Кайфань был настолько выдающимся, что нашлись бы другие, чтобы продолжить любить его и сопровождать в наблюдении за облаками, закатами и приливами.

На самом деле, это было бы неплохо.

Его не волновало, есть ли он в сердце Кайфана, главное, чтобы Кайфань был счастлив.

Он встретил Чжун Кайфаня в самом юном возрасте, горячо и страстно полюбил его и получил самую искреннюю любовь в этом мире.

В душе Линь Юаня жила крупница романтизма. Он думал, что когда мать умрет, он найдет тихий и уютный уголок, наденет чистую рубашку и носки, ляжет в бамбуковое кресло, медленно закроет глаза и умрет в лучах заката, унося с собой любовь Чжун Кайфаня.

Но сейчас ему не хотелось умирать.

Он чувствовал, что Кайфань все еще любит его, любит до глубины души. Иначе отчего бы его упреки были так суровы?

Но такая любовь походила скорее на острый нож, который рассекал его едва затянувшиеся раны вины. Он одновременно принимал эту пылкую любовь и наказывал себя. Каждая встреча с Кайфанем ставила его на грань разрушения: шаг назад — бездна, шаг вперед — разбиться вдребезги.

Он недостоин этого. Ему следовало бы умереть.

Пусть потерпит еще немного.

Если Кайфань чего-то хочет, он отдаст всё. Искупление это или любовь — уже неважно.

<http://bllate.org/book/16849/1550578>